

Актёрские мемуары

В издательстве «Вагриус» вышли мемуары народного артиста СССР Евгения Весника под названием «Дарю, что помню». Книга быстро разошлась, появились первые лестные отзывы. И одновременно с ними желание продолжить начатый разговор воспоминаниями о других людях, с которыми свела артиста судьба. Автор надеется в ближайшее время закончить работу над новой книгой воспоминаний, из которой мы и предлагаем читателям фрагмент, где рассказывается о замечательном актере — Петре Мартыновиче Алейникове.

Евгений Весник **Его целовал волк**

Он был человеком, которого о зоопарке лизнул (поцеловал значит) волк!

Среди людей никто другой не пользовался такой популярностью, как он, — никто!

Желание увидеть его у себя дома за столом, — да если бы только дома, — широкие русские угощения и возлияния надломил раньше времени его могучее здоровье.

Он был удивительно одаренный человек с гипнотической силой обаяния! Его манере говорить с истинно русской мелодичной интонацией его коллеги, может, сами за собой и не замечая этого, явно подражали.

Не все ладно было в его жизни, дома, ибо, мне так кажется, такому человеку всецело принадлежать только семье ну просто невозможно да и, может быть, несправедливо. Он, говоря избитыми словами, принадлежал народу. Люди хотели его видеть, пригнуться к нему, услышать его обаятельную речь и увидеть его знаменитую добрейшую и неповторимую улыбку.

Я не был его близким приятелем, не был в числе тех, кто регулярно посещал его хлебосольный дом. Для того чтобы полюбить его и восхититься его даром, мне достаточны были совместные съемки всего в одном фильме, концертная поездка по Донбассу да общения с ним в нескольких сводных концертах.

...Село Селище, в двадцати километрах под Винницей. Съемки кинофильма «Стежки-дорожки» Киностудии имени Довженко. Режиссер Артур Войтецкий. Алейников играет роль почтальона, я — председателя колхоза. (Кстати, в этом фильме главного героя играл

молодой, ныне знаменитый и мистический Олег Борисов).

Текст снимавшей сцены примерно таков:

Председатель. Зачем ты пьешь?

Почтальон. Ну как же мне не пить? Я тетке Мане телеграмму приношу. Внук ее звание полковника получил. Ну как не выпить? Или вот к пастуху Степану прихожу с письмом. В нем сообщение о том, что сыннок в казахстанских степях на целине Героя соцтруда получил. Ну что делать? Не отметить? Нельзя! Обида! Выходит, я за могущество государства пью!

Председатель. Ладно. Мужик ты хороший. Ищи замену. Расстанемся по-доброму. Может быть, я тебя сторожем правления возьму...

Репетируем, репетируем. Очень все хорошо получается, задуманно, трогательно... И наконец команда: «Мотор!». Начали. Точно говорим текст. И вдруг у меня, любителя импровизаций, после слов Алейникова-почтальона: «Я пью за могущество государства!», вместо того чтобы пойти дальше по тексту, появилось, почему не знаю, желание переспросить сочувственно — «Значит, за могущество?». Уверен, 90 из 100 артистов или остановили бы съемку, так как этот текст не был срепетирован, или растерялись в большей или меньшей степени.

Боже, что произошло с Петром Мартыновичем! На его лице засветилась озорная, обворожительнейшая улыбка, заискрились глаза. Он, казалось, помолодел! (Я вспомнил, что он воспитанник Могилевской коммун, и представил себе тогда, каким же заводилом и

любимцем был он среди ребят). Он был сама надежда на благосклонное к себе отношение председателя, на прощение своих грехов и мгновенно, рефлекторно на мой переспрос «За могущество?» на высокой ноте, словно желая показаться незапятнанным ни в чем, чуть ли не ребенком, выпалил: «Дааа!».

Я не смог сдержать своего восхищения его импровизационным даром и рассмеялся.

...Жили мы в одной хате, снимались в одной картине, свободное время проводили вместе, а сцен, кадров в фильме, в которых мы оба заняты, было немного, поэтому часто Петр Мартынович снимался без меня. В очередной раз оставшись дома, я готовил обед и с нетерпением ожидал моего кумира. Приехал счастливый.

— Веняя! (Так он меня называл). Я такое место для рыбалки нашел! Сказка! Затопленная старая мельница! Омуты! Течение легкое. Я тебе скажу — лучше не бывает! Мечтал!

Три оставшихся дня до выходного, все свободное время потратили на подготовку к ры-

балке. Из Винницы привезли все необходимые снасти: удильца, леску, крючки, поплавки, грузила, подсак. Накопили червей-рекордсменов, подготовили подкормку, разные насадки, каши и т. д., и т. д., вязали, точили, вымеряли поплавки в ведрах, пересматривали лески, взвешивали, варили, мешали, потели, спорили... Наступил долгожданный свободный день. Встали в три часа ночи. Подъехали на «газике» к мельнице. Рассвет. Подошли к заветным местам.

— Тихо! По-балетному иди, нежно... Вот здесь я сяду, а ты вооон там, и молчок. Аааа, черт! Самолет полетел (ударение на «е»), всю рыбу расшумит, аппетит напугает. Ну да ладно... до вечера-то успокоится! Для ухи все взяли! Молодец!

Закинули удочки. Молчок. Проходит 15—20 минут.

— Веня,— шепотом обращается ко мне зяблый рыбак,— клюет!

Я руками, плечами, физиономией отвечаю, что — нет!

Проходит еще минут 10—15, повторяется та же игра. Через еще минут 5—10, вижу, партнер сматывает удочки. то

— Мартыныч, вы куда?

— Веня, надоело, пойду домой. Ты сиди, сиди... Я пойду, неудача.

Готовились три дня, встали в три часа и вернулись в четыре тридцать домой!

В этой непоседливости, неумении ждать, проявлять терпение, организовать себя на большой отрезок времени, на какое-либо дело, какую-нибудь цель проявилась, по-моему, самая большая беда великого артиста — отсутствие силы воли. Очевидно, это не позволяло ему отказываться от чистых застолий или вовремя покинуть их... Беда эта надломил его, и он ушел из жизни в возрасте, когда артист только входит в пору зрелости, когда жизненный опыт только-только начинает шлифовать мастерство.

Он не успел отпраздновать 51-й день своего рождения.

В самом начале 50-х годов маленький коллектив артистов Драматического театра имени Станиславского (и я в том числе) вместе с Алейниковым выехал на десять концертов на Донбассе. Афиша наша выглядела так: красной строкой, то

есть большими буквами набрана фамилия Петра Мартыновича и маленькими-маленькими наши, принимавших, как сказано было, участие в концерте. Нас придали мастеру, так как сольными концертами Алейников не занимался. К сожалению, та же беда — безволие, да еще и русская лень-матушка не позволили ему блистать на эстрадах страны с интересным репертуаром, он ограничивался лишь рассказом «Лешин и печник» и редким исполнением в паре со Степаном Каюковым рассказа Чехова «Дорогая собака». Если и были еще какие-то работы для концертных выступлений, то они, очевидно, были настолько эпизодичны, что мало кто из артистов о них знал.

Так вот, значит, — гастрольная поездка... Первый концерт в Донецке. Каждый следующий — в другом городе и везде на сценах больших, чаще всего открытых площадках, битком набитых зрителями. Ну просто паломничество! Во всех концертах Петр Мартынович появлялся на сцене последним. Все номера, шедшие до его появления — соло на рояле, сценки из спектаклей, инсценированные рассказы Чехова и Зощенко принимались сдержанно, чувствовалось, что ждут «явления народу» Алейникова. И вот наступал момент, когда наконец нужно было объявлять фамилию главного артиста. Ведущему не удалось ни разу это сделать. Он успевал сказать лишь несколько слов: «Ну вот, настало время...» или «вы, конечно, заждались...», «я с особым удовольствием»... и все. Дальше дело не шло. Везде, как по команде, разражалась овация, зал вставал и не давал уже Алейникову раскрыть рта. На сцену выскакивали женщины, мужчины, старые и молодые, с цветами, подарками, иногда с бутылками или вина, или водки, или шампанского, или всего вместе. Его обнимали, целовали, бивало, качали (однажды уронили), наливали прямо на сцене зелье, отрывали пуговицы, преподносили подарки, самые разные — от корзин с фруктами и овощами, сала, бутыли молока до целого жареного барана или поросенка. Нельзя забывать, что происходило это все в шахтерских местах, где Алейников был особенно любим благодаря кинофильму «Большая жизнь», посвященному жизни шахтеров, в котором он сыграл своего знаменитого Ваню Курсково...

На двух или трех концертах зрители вели себя поспокойнее, но тем не менее доводили его до слез, что не позволяло ему, как и на всех представлениях, совладать с собой, успокоить зал и что-либо читать. Иногда он успевал, вытирая слезы, произнести в микрофон лишь несколько слов:

«Братцы, да разве ж можно так» или «Милые, что же это вы со мной делаете...», которыми еще больше подогривал ажиотаж зрителей и, постояв минут пятнадцать на сцене в обнимку с цветами, заплаканный уходил и быстро-быстро уезжал в машине, которая на всех парах всегда ждала его прямо у ступенек сцены. Понятно теперь, надеюсь, почему давался только один концерт в каждом городе, а где следующий — зрители не знали. Ни на одном концерте гастролер ничего не читал и ничего не рассказывал, но тем не менее в каждой рецензии, а их было десять — соответственно количеству концертов, — присутствовало сообщение о том, что наибольшим успехом пользовалось выступление «нашего дорогого и любимого Петра Алейникова».

Мы — молодые артисты — были, конечно, влюблены в мастера и в течение всей поездки испытывали чувство некоторой неловкости — дескать, при чем тут мы, сопляки? И только сознание того, что мы до некоторой степени как бы выручали его — все-таки мы держали внимание зрителей довольно долгое время — нас успокаивало и позволяло с восхищением наблюдать ежевечерние психологические спектакли — «Сила таланта и любовь народа». Это сильнейшая драматургия! Драматургия, совершенно освобожденная от необходимости натужно что-либо придумывать, врать, приспособливаться, заниматься «кизмами», устывать и нести язык на плечах в погоне за модой и т. д.

«Талант и народ» — и все!!!

...Прошло много лет. Петра Мартыновича уже не было с нами. Живу я около зоопарка. Часто туда заглядываю. Страшно смотреть на тюрьмы для животных! Познакомился со сторожем. Рассказал он мне, что был хорошо знаком с Алейниковым. Он часто приходил к нему рано-рано утром, до открытия и немного пригубивал заготовленное им, сторожем, загодя горячительного, гулял по территории, подружился с волком Нориком. Сначала просто наблюдал за ним, любовался, потом стал с ним разговаривать, угощал, бросил в клетку чего-нибудь вкусенького: колбаски, сырка. Как-то дал волку кусочек хлеба, смоченного в водке, — тому понравилось. Дружба крепла... Зверь стал брать гостинчики прямо из рук и... в один прекрасный день лизнул — поцеловал дружка. Сторож видел это. Он видел, как Мартыныч еле-еле сдержал слезы и каким-то прерывистым, доверительным шепотом произнес, почесывая бок хищника: «Норик, ты лучший среди людей!!!».